

Руслан

Сетяшкин

ВОСХОЖДЕНИЕ

Жизненный путь Калибека Куанышпаева, стотридцатилетний юбилей со дня рождения которого пришелся на последнюю декаду апреля текущего года, в действительности был потрясающим. В детском возрасте, не зная еще грамоты, он выучился играть на домбре, петь песни, которые перенимал от матери и заезжих акынов, а вскоре стал выступать на народных празднествах как певец и домбрист. Песни его при сем были не такими уж безобидными и отвлеченными от суровой действительности, в них он обличал старые феодальные предрассудки, смело нападал на баев, за что и был ими прозван Пери-Калибеком, то есть злым Калибеком.

Но не только с домброй подружится этот от природы одаренный сын скотовода из рода Шаншар, родившийся в ауле Сарытау Каркалинского района Карагандинской области. Научившись грамоте, он с жадностью постигал все доступные ему источники казахской письменной литературы, особо увлеченно вслушиваясь в творения Абая Кунанбаева, о котором Калибек впервые услышал от знаменитого рассказчика Маукая и которые в будущем сыграют большую роль в его творческом и гражданском развитии.

Одним из самых сильных переживаний детства станет для Калибека смерть горячо любимого в народе Абая. На всю последующую жизнь запомнит он всенародный траур, объявший степь, горевавшую по народному защитнику, наставнику и поэту.

Большое впечатление тогда на него произведет и поэзия певца народного гнева Махамбета Утемисова, одного из организаторов национально-освободительного движения против царизма и ханского гнета во второй половине 30-х годов XIX века, отразившего в своих песнях борьбу казахского народа за справедливую жизнь, без произвола ханов, баев и их приспешников.

Юность будущего народного артиста была до предела наполнена невзгодами, нищетой, тяжелым изнуряющим трудом, к которому Калибека приучили с раннего детства. Кем только не пришлось ему тогда побывать: и пастухом, и батраком у бая, и извозчиком в Омске. Позже он станет рыть окопы на фронте в белорусских лесах под Минском, пойдет работать на кожевенный завод. А с установлением в Казахстане Советской власти Калибек, которому тогда исполнилось двадцать четыре года, вернется в родной аул и станет популярным народным рассказчиком.

Мастерски владея словом, пересыпая повествование народными остротами, поговорками и каламбурами, Куанышпаев, ранее отучившийся в медресе и неплохо знавший восточную литературу, высмеивал старые порядки, нападал на баев и на мулл, рисуя при этом картины народной жизни. Материалом же для этих импровизированных представлений ему служили собственные наблюдения из жизни, а также услышанные им среди людей правдивые рассказы, легко Калибеком запоминавшиеся и не менее легко доносившиеся сказителем до слушателей. И, что интересно, в каждой такой устной новелле, еще совсем недавно подчерпнутой где-то в ауле, на базаре или народной сходке, он сразу исполнял по несколько ролей.

Так, возможно, и выступал бы Куанышпаев в людных местах, на народных сборищах и ярмарках, а ему приходилось давать представления и на широко известной многолюдной Кояндинской ярмарке, проходившей на территории рода Шаншар и считавшейся самой крупной из всех Семипалатинских ярмарок, если бы однажды, первый раз в жизни, не увидел любительский спектакль, произведший на него неизгладимое впечатление. Потому-то и отправится он в 1925 году в Кызыл-Орду, где будет принят в труппу первого профессионального казахского театра, готовившегося в тогдашней столице Казахской АССР к своему открытию.

Откроется же он 13 января 1926 года третьим актом пьесы М. Ауэзова «Енлик и Кебек». А в заключение будет дан и концерт, в котором Куанышпаев выступит со своими рассказами.

Здесь необходимо сказать и о том, что первое время новый театр мало чем отличался от самодеятельного коллектива, хотя в его труппе и находились довольно одаренные люди. В Казахстане фактически не было тогда профессионального режиссера-педагога, который смог бы возглавить и воспитать молодой коллектив. Руководители театра, не получившие профессиональной подготовки, практически наощупь, вместе со всем коллективом, искали оптимальные решения, позволившие бы театру уверенно развиваться и приобретать народную популярность.

А вот о ней-то в то время можно было лишь мечтать. Массовый зритель театр еще совсем не воспринимал, предпочитая ему концерты с участием своих любимых народных исполнителей. Спектакли же шли один-два раза в неделю и посещались кзылординцами неохотно. Поэтому каждый новый спектакль выдерживал не более трех представлений, вынуждая труппу выпускать большое количество премьер, тщательно готовить которые было просто невозможно.

Труппа, состоявшая из тридцати человек, была практически мужской. Женщин-актрис в ней почти не наблюдалось. Преодоление старых предрассудков, запрещавших женщине общественную деятельность, в те годы в Казахстане шло не так-то и активно, как оно республиканскими властями задумывалось. Посему, учитывая то, что профессия актрисы казалась в народе, не изжившем еще патриархальных устоев, особенно предосудительной, женские роли часто приходилось исполнять мужчинам.

Театр работал в трудных условиях. У него не было своего помещения, не хватало средств, штаты были до предела ограничены, что вынуждало обязанности рабочих сцены исполнять самим актерам. Но это их не смущало, любовь к искусству была в них куда как сильнее каких-то временных трудностей, в преодолении которых актеры не сомневались.

Калибек Куанышпаев всегда помнил те первые годы становления национального театра. Он, как и другие артисты, приходил в театр обычно за два часа до начала спектакля, устанавливал декорации, подготавливал реквизит. И в том Калибек не усматривал тогда ничего предосудительного.

Первым сценическим персонажем, воплощенным Куанышпаевым в спектакле, станет третейский судья Караменде из пьесы М. Ауэзова «Енлик и Кебек». Эта популярная в народе поэма о красавице Енлик и батыре Кебеке была хорошо известна Калибеку с детства. Играя роль старика, выносящего приговор влюбленным, Куанышпаев вспоминал всех известных ему аксакалов, придавая тем самым их черты и судье Караменде.

Приступал же Куанышпаев к работе над своей первой ролью с большим волнением. Долго и тщательно работая над текстом, он стал задумываться и над сходством сценического персонажа с реальными людьми, увидев в этом путь к правдивому, живому и яркому, но никак не фотографичному воплощению их на сцене. При этом он задумывался и над тем, что не стоит ограничивать творческий замысел, естественный порыв и стремление к вольному изображению характеров. Игра актера не должна превращаться в жанровую зарисовку. Он на сцене обязан творить, а не шаблонно имитировать тот или иной образ, не утруждая себя переживаниями над его сутью.

Подходы эти, разумеется, для профессионального актера вовсе не новы. К ним его приучают загодя, в стенах соответствующих учебных заведений, а затем уже и непосредственно в театре. У Куанышпаева же такой возможности не было. Учителей мудрых и внимательных ему повстречать не пришлось. Они в Казахстане тогда просто-напросто отсутствовали. Посему и приходилось актеру ко всем заключениям приходить самостоятельно, путем долгих раздумий, сопоставляя увиденное и услышанное, подвергая детальному разбору и анализу собственную сценическую деятельность вкупе с работами своих коллег.

Позже актеру вновь придется соприкоснуться с живым полотном этой особо полюбившейся казахскому народу истории, рассказывавшей о любви Енлик и Кебека. И на сей раз ему предстояло сыграть Кобея – старейшину рода, противостоящего яростному, упорному в своей неистовой злобе бию Еспембету, роль которого исполнял выдающийся казахский актер, один из первых, как и Куанышпаев, народных артистов Казахской ССР, удостоенный в последующем высокого звания Героя Социалистического Труда и трех орденов Ленина, блистательный Сералы Кожамкулов.

К слову, Кожамкулов играл Еспембета фанатичным в своем упорстве, непреклонным, мстительным стражем старых законов. Этот злобный человек представлял на сцене в совершенстве владеющим даром дипломатической речи, полной изощренного коварства и цветистого красноречия. За ним стояли жестокие и тягостные для народа законы, веками существовавшие в казахской степи. Потому Еспембет, прекрасно сыгранный Кожамкуловым, с особой злобой, упорством требовал смерти «отступников».

Плавно и красиво лилась на сцене речь опытного оратора Кобея, пытавшегося отстоять жизнь влюбленных, нарушивших родовые законы. В словесном турнире с главным «законником» Кобей выступал в защиту Кебека не только как представитель своего рода, но и как защитник прав людей на любовь и дружбу. Однако, осознав, что сила на стороне Еспембета, который угрожает роду Кобея

беспощадной кровопролитной войной, он, в исполнении Куанышпаева, замолкает и опускает голову в знак своего поражения. И в эти минуты, наверное, в памяти артиста возникали широко известные слова любимого им Абая:

О казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь – на правой щеке, на левой – жир...
Где же правда? Твой разум не разберет.
Ты и с виду неплох, и числом велик.
Почему же так обманчив твой лик?

(перевод С. Липкина)

Кстати, много лет спустя актер в этом спектакле сыграет роль певца Абыза, стремившегося воспеть светлое будущее народа, но бывшего пассивным и беспомощным в борьбе со злом.

Вскоре Куанышпаев исполнит и свою первую трагическую роль. В спектакле К. Ерманова «Каракалпакская девушка», поставленном в 1928 году, он сыграет крестьянина-бедняка, у которого похищают нежно любимую им дочь и продают в рабство на чужбину. Воплощая на сцене эпизод, в котором старик узнает о смерти дочери, Куанышпаев почувствует глубокое человеческое горе, страдания отца и тут же осознает, какую неподдельную радость испытывает актер, заставляющий переживать зрителей, не сдерживающих своих слез. С тех давних пор Калибек Куанышпаев, обнаруживший драматическое начало своего дарования, полюбит роли, в которых ему удавалось наиболее ярко раскрывать глубину и силу не всегда подвластных разуму человеческих чувств.

1928 год запомнится Куанышпаеву и тем, что молодой казахский театр переедет в новую столицу Казахской АССР Алма-Ату, в собственное здание, где труппа начнет обрщаться молодыми талантливыми актерами. Обратится театр тогда и к русским режиссерам, а в его репертуаре станут появляться пьесы из русской и мировой классики, а также пьесы современных драматургов из других республик, переведенные на казахский язык.

Непрерывно будет возрастать и роль самого Казахского театра, его популярность у зрителей. Если в 1926 году он показал всего сорок четыре спектакля и обслужил чуть более четырех тысяч зрителей, при том, что посещаемость каждого спектакля не превышала девяноста пяти человек, то в 1930 году в театре состоялось двести двадцать спектаклей, которые посетило семьдесят семь тысяч зрителей, а на спектаклях стало присутствовать не менее трехсот человек.

Рос театр, росли и его актеры. И вот в спектакле Ж. Шанина «Аркалык-батыр» актер проявит уже и свою склонность к острому сатирическому рисунку. Играя роль калмыцкого хана Ажихана, жестокого сумасброда и лицемера, Куанышпаев доходчиво раскрывал внутреннюю сущность этого негативного персонажа, скрытую за принятой им личиной; ум и самообладание которого при сем контрастно усиливались низменностью всей его натуры.

Играя роль крестьянина-бедняка Танеке в спектакле М. Ауэзова «Ночные раскаты», поставленного в 1935 году режиссером Ю. Рутковским на сцене Казахского театра драмы, Куанышпаев раскрывал и непростую тему исцеления народа от лживых иллюзий и веры в доброю волю царского правительства, которая быть таковой, конечно же, не могла. Посему показ процесса освобождения

от укоренившихся годами ложных представлений потребовал от актера полной самоотдачи и ясного представления этого образа, в котором также жили душевность, пылкий и самобытный ум. Все эти черты и запечатлеет Куанышпаев в седобородом старике Танеке, представшим перед зрителем величавым, прозорливым, наделенным житейской мудростью человеком, хотя и смотрящим в зал пылким, даже задорным взглядом.

Близок к Танеке окажется и образ бедняка Кыстаубая в пьесе С. Муканова «В дни борьбы», рассказывающей о событиях, связанных с установлением в Казахстане Советской власти.

Нельзя не упомянуть и о том, что в 1932 году Куанышпаева изберут делегатом на профсоюзный съезд и он впервые направится в Москву.

Наконец сбудется его мечта: Калибек побывает в Художественном театре, о котором много слышал и читал. Первый же спектакль, им на сцене прославленного театра увиденный, а это был «Страх» А. Афиногенова, превзойдет все его ожидания. Простота, правда жизни, к которым он всегда интуитивно стремился, предстанут перед ним, что называется, в полный рост. И обдумывая все увиденное, Куанышпаев приходит к пониманию того, что и Казахскому театру следует добиваться в своих спектаклях такой же подлинности переживаний, глубины мысли, естественности и достоверности сценического поведения актера, искренности и простоты исполнения, тем более если речь идет о работе над казахским национальным материалом, требующим передачи его колорита и сугубо национальных образов и черт.

По сути, Художественный театр станет для Куанышпаева единственной школой сценического мастерства, с которой ему удастся познакомиться. Здесь он начнет постигать и определять для себя те пути, те методы работы над образом, к которым он шел ощупью, порою безотчетно, повинувшись только развитому в нем чувству сценической правды и неприятия всего фальшивого, нарочитого и неестественного.

После возвращения из той первой поездки в Москву в работе Куанышпаева многое изменится. Он станет более четко и осмысленно работать над раскрытием идеи автора, проникновением в мысли и чувства своих героев, наделяя их предельной простотой и ясностью.

Посчастливится Куанышпаеву сыграть и роль городничего в постановке бессмертной комедии Гоголя «Ревизор», осуществленной на родной для актера сцене Казахского театра драмы в 1936 году. И надлежит отметить, что актер внесет в нее яркость, разнообразие речевых интонаций, склонность к буффонаде, сочный юмор, богатую мимику, острую внешнюю выразительность своих устных новелл. В результате хитрый, ловкий, внутренне жестокий городничий в исполнении Куанышпаева сохранит неизменную маску благодушия и мягкости. Зрителям же, таким образом, более доподлинно представится его истинная сущность, которая сквозь этот благостный облик, через вкрадчивую, льстивую манеру говорить хранила бездушное звериное нутро.

К сему добавим, что Куанышпаев, работая над этой знаковой и чрезвычайно важной для дальнейшего профессионального роста ролью, попытается обратиться к национальному фольклору и вспомнит злого, властного бая Кенгирбая из легенды «Енлик и Кебек», прозванного в народе за жестокость к беззащитным и трусость перед сильными кабаном, а также и вороватых, пронырливых, бес-

чувственных царских чиновников, которых ему в молодые годы приходилось не раз встречать. Эти литературные, а вместе с тем жизненные ассоциации помогут ему воссоздать обобщенный образ городничего, в его исполнении выглядевшего зримо, убедительно и колоритно.

Большим событием в творческой судьбе актера станет его работа над образом легендарного генерала Панфилова, сыгранного им в поставленном на главной казахской сцене спектакле М. Ауэзова и А. Абишева «Гвардия чести». Спектакль же этот, подготовленный для выпуска в грозном 1942 году и рассказывавший о подвиге бойцов 8-й гвардейской стрелковой дивизии, остановивших на Волоколамском шоссе врага, рвавшегося к Москве, станет одним из лучших спектаклей о событиях Великой Отечественной войны, выпущенных тогда на среднеазиатских театральных сценах.

С целью воплощения на сцене героических эпизодов продолжавшейся Отечественной войны Мухтар Ауэзов и Альжаппар Абишев создадут высоко патриотичное драматическое, крайне востребованное в народе произведение, блестяще сыгранное актерами Казахского театра драмы, сумевшими создать живые, поэтичные, вдохновенные образы своих современников. Внимание алмаатинцев и гостей столицы Казахской ССР они тогда сосредоточат на духовном росте советского многонационального народа и на всестороннем раскрытии внутренней жизни героев, новых качеств их характеров, заметно проявившихся в грозные дни выпавшего на долю народа жесточайшего, сурового и судьбоносного испытания.

Образ Ивана Панфилова Куанышпаеву предстояло наполнить теми качествами, которые отличали этого опытного строевого командира, военачальника, заботливого воспитателя и наставника бойцов своей славной дивизии, которую он с началом войны формировал в Алма-Ате. А ему, по воспоминаниям современников, были свойственны внутреннее благородство, душевная теплота, обаяние, отеческое отношение к подчиненным, высокая организованность, исключительная коммунистическая убежденность и верность Советской власти. Посему, прекрасно понимая, что его герой не только обыкновенный человек, но и укрупненный, эпически широкий образ, Куанышпаев выстроит свою игру свободной от детализации, но и предельно обобщенной, нацеленной на глубокое раскрытие духовного мира Ивана Васильевича, его высочайшей гуманности и человечности.

Показателен в спектакле диалог Панфилова с Намыс-улы, в котором генерал внешне спокойно, но твердо, с внутренней болью, разъясняет ему сущность его проступка. В эти минуты Панфилов не строгий командир, а любящий отец, стремящийся помочь молодому человеку. Так же отечески заботлив, открыт, сердечен генерал в сцене с бойцами, он весело, по-дружески беседует с ними, принимает участие в их ужине. В этой оживленной, непринужденной сцене отчетливо просматривается, как близки Ивану Васильевичу бойцы, как внимательно вглядывается он в каждого из них, изучая его характер и стремления.

Но вот Панфилов расположился у карты и обдумывает план предстоящей операции. И решающим обстоятельством для него здесь становится вдохновенная воля к победе. Таким образом, сыграв роль Панфилова, Куанышпаев создаст незабываемый обобщенный образ советского полководца, у которого непримиримая борьба с врагом сочеталась с другой важнейшей задачей – стрем-

лением сохранить жизнь людей, доверенных ему высшим командованием и государством в целом.

Позднее, в 1947 году, Куанышпаеву в пьесе Б. Чирскова «Победители», поставленной Г. Товстоноговым, придется сыграть роль командующего армией генерала Виноградова, показав тем самым процесс преодоления его героем ограниченности мировоззрения и переход от теоретических выкладок и формальных заключений к новым методам ведения войны, подсказанных самой жизнью.

Вначале мы видим честного и прямого Виноградова уверенным в незыблемости военной теории, постулатами которой он руководствовался всю жизнь. Но по мере того как суровая действительность решительно опрокидывала его теоретические построения, неизбежно возникали и внутренние противоречия. Оттого-то сцену, где Муравьев, игравшийся К. Бадыровым, излагает Виноградову план Верховного командования, Куанышпаев начинал с активного протеста,

К. Куанышпаев в роли поэта
в фильме «Песни Абая» (1945 г.).

но, осознав значение данного плана, смолкал, словно захваченный внезапно озарившей его вдохновенной мыслью. И не верить в эту искренность генерала, в то непростое боение давно заученных догм и новых реалий, шедшее в нем самом, в его воспаленном сознании, зрители, благодаря реалистичной игре Куанышпаева, никак не могли. Достоверность, убедительность образа Виноградова была для них предельно очевидна.

Важнейшее значение в актерской биографии Куанышпаева, разумеется, будет иметь его сверхсложная, емкая, требовавшая мобилизации всех сил и ранее приобретенных знаний, но и многогранная, по существу, выдающаяся работа над раскрытием бессмертного образа великого Абая.

Раскрывая в спектакле «Абай» М. Ауэзова и Л. Соболева душевное богатство, прогрессивное мышление поэта, Куанышпаев сохранит конкретность и яркость красок, национальное своеобразие в трактовке характера, присущие и его прежним работам. Но тогда, в 1940 году, получив возможность воплотить образ казахского гения на сцене в спектакле, поставленном одним из первых профессиональных казахских режиссеров А. Токпановым, актер сосредоточится на показе реальных черт Абая, его мудрости, душевной теплоты, любви к людям и родной земле. И в этой работе, без сомнения, в полной мере проявится способность Куанышпаева претворять в сценическом искусстве всё богатство и динамизм народного творчества. А стихи Абая для актера станут главным инструментом, умело использованным им при создании великого образа. Гуманизм, жизнелюбие поэта, ненависть к злу и несправедливости, выраженные в его поэзии, определят в конечном итоге и саму трактовку роли. Да и вообще, в этом спектакле впервые обозначится философская направленность искусства Куанышпаева, его стремление к раскрытию мировоззрения героя.

Представляемый Куанышпаевым в лаконичной, скупой, четкой манере игры, Абай в первой сцене появляется перед толпой, угрожающей расправой молодым людям, нарушившим родовые обычаи. И народный подвижник заступается за влюбленных, приказывает сохранить им жизнь и гневно обвиняет преследующих их феодалов. А в следующей затем сцене третейского суда, в минуты, когда гибель молодых людей кажется предрешенной, Абай снова выступает в их защиту. Вдохновенно и страстно звучит его речь, глаза поэта горят гневом, в эти минуты он переполнен верой в то, что «народы идут в будущее, прокладывая новые пути». И конечно, Абай, так талантливо воплощенный тогда на сцене Казахского театра драмы Куанышпаевым, боролся не только за жизнь своего ученика, но и за право всего народа на свободу и счастье.

Успех спектакля «Абай» был впечатляющим и в значительной степени он определился благодаря выдающемуся исполнению роли Абая Калибеком Куанышпаевым.

Работая над образом любимого поэта, артист основательно изучит все материалы, связанные с жизнью национального подвижника и героя. Познакомится он и с легендами, и с фольклорными первоисточниками его произведений. Не единожды перечитает Куанышпаев и хорошо знакомые ему стихи, находя в них все новые и новые красоты. Повстречается он и с народными певцами, внимательно вслушивается в поэзию Абая в их исполнении и не устанет поражаться глубиной, благородством мысли, богатством образов и музыкальностью строк выдающегося соплеменника.

С замиранием сердца и благоговением приступал Куанышпаев к воплощению образа своего «духовного учителя». Возникал же он, этот максимально достоверный образ, в первую очередь, из песен, им написанных. Они помогли артисту проникнуть в духовный мир Абая и показать его органическую неразрывную связь с народом, с думами и надеждами, стремлениями и идеалами, жившими среди казахов.

Главным же для Куанышпаева было раскрытие душевного богатства, высочайшего интеллекта и прогрессивного мировоззрения народного заступника и поэта. Бытовая сторона жизни Абая для него при этом отодвигалась на задний план. Тем не менее образ, созданный Куанышпаевым, от такого представления зрителю ничего не потерял. Скорее наоборот, Абай в исполнении артиста предстал на сцене во всей красе как цельная и грандиозная личность.

Работу Куанышпаева над этой важнейшей ролью одобрит и Мухтар Ауэзов. По его мнению, образ Абая, сложившийся у народного артиста, не нуждался почти ни в каких поправках, так как оказался исторически точен, конкретен, колоритен и правдоподобен. И реалистичность образа просматривалась буквально во всем: в речи, манерах, поведении, взгляде, отчетливо говорившем, что перед зрителем предстал человек недюжинного ума, блестяще просвещенный, живущий непростой интеллектуальной жизнью.

Отразит Куанышпаев в образе Абая и лучшие черты, присущие казахам: свободолюбие, ненависть к насилию и несправедливости, мужество, выносливость и упорство в борьбе с невзгодами, любовь к жизни, труду, природе, детям, уважение к старикам.

Пройдет пять лет, и Куанышпаев талантливо исполнит роль Абая в кинофильме Л. Рошала и Е. Арона «Песни Абая», снятого на Алма-Атинской киностудии по сценарию М. Ауэзова и Л. Рошала.

К съемкам этого фильма артист отнесется серьезно, мобилизовав все силы и забыв о любых трудностях. Работать ему придется в любую погоду – при шквалистом ветре и палящем солнце – с шести часов утра до семи часов вечера. И даже когда его будет одолевать болезнь, Куанышпаев ни на один день не захочет останавливать съемки. По воспоминаниям очевидцев, он будет всячески подбадривать устававших артистов, а в перерывах их собирать и вокруг себя, совместно с задействованными в постановке фильма рабочими и приезжавшими для участия в отдельных эпизодах колхозниками, дабы всех повеселить своими шутками, остротами и забавными историями, сыпавшимися из его уст, словно из рога изобилия.

За честь почитает Куанышпаев и работу над образом знаменитого и высококочтимого в народе поэта Джамбула по пьесе С. Муканова «Песня победы», поставленной на основной республиканской сцене в первые годы Великой Отечественной войны.

Эта пьеса, предназначавшаяся для юношеской аудитории, показывала патриотизм советской молодежи в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Роль Джамбула в ней была невелика, но даже из крайне скудного драматургического материала артист сумеет создать правдивый и светлый образ.

Известнейший, старейший народный поэт предстанет перед зрителями величественным, мудрым, гуманным творцом и гражданином. Куанышпаев выразит в этом образе сущность творчества Джамбула, его страстную любовь к Родине, житейскую осведомленность, преданность передовым идеям современности. Так же, как и при воплощении образа Абая, артисту было важно проникнуть в духовный мир Джамбула, обстоятельно соприкоснувшись с его духоподъемным творчеством, неразрывно связанным с народом и посвящавшимся ему.

Несомненное свое актерское мастерство Куанышпаев продемонстрирует и в спектакле Г. Мусрепова «Ахан-сере и Актокты», поставленном на алмаатинской сцене в 1942 году и повествующем о поэте-импровизаторе XIX столетия Ахане.

Роль глухонемого Балуана, в душе которого страдания прекрасной и женственной Актокты пробуждают человечность, потребует от актера слияния романтических и реалистических тенденций, так как ему предстояло показать странную, причудливую, почти гротесковую фигуру силача, бродящего в пестрой, оживленной толпе гостей, пытаясь разобраться, чего хотят эти люди, порываясь порой принять участие в их веселье. Плоское же, тупое его лицо с редкой растительностью, жалкие, ищущие чего-то глаза говорили лишь об одиночестве и стремлении понять, что происходит вокруг. Вот он берет домбру и, приложив ее к уху, пытается услышать доносящиеся из этого музыкального инструмента звуки. Но мир отделен от Балуана прочной завесой глухоты, и, охваченный нестерпимой тоской, сознанием своей отчужденности, он решительно отбрасывает от себя данное приспособление, не способное принести ему радость. Ничем не примечательное в своем естестве человеческое горе и одиночество выражал его взгляд – то мучительно ищущий, то дикий от ярости, то нежный, преданный, когда он останавливался на красавице Актокты.

Тем сложнее было Куанышпаеву продемонстрировать процесс нравственного прозрения этого обиженного судьбой человека, зарождавшийся, конечно, в его воспламененном сознании. Чувства же, проснувшиеся в нем, подстегнут Балуана нежно и трогательно заботиться об Актокты и, что не менее важно, освободиться от рабского подчинения хозяевам. Но, пожалуй, всю глубину отчаяния своего героя

актер сможет передать в тот момент, когда с особой драматической силой покажет постигшее Балуана после гибели Актокты горе. Эта блестящая демонстрация, бесспорно, откроет тогда зрителям новые грани удивительного дарования артиста, становившегося в народе все более уважаемым и почитаемым.

Заметной работой Куанышпаева следует считать и его участие в постановке Ш. Хусаинова «Алдар-Косе», в которой он сосредоточится на раскрытии такого гротескового персонажа, как жадный визирь Широак.

Роль алчного, глупого визиря Широака в этом полюбившемся зрителю и построенном на народном фольклоре спектакле, где веселого пересмешника Алдар-Косе прекрасно играл выдающийся казахский актер и режиссер, народный артист Казахской ССР и будущий народный артист СССР Шакен Айманов, станет в исполнении Куанышпаева образцом высокого комедийного мастерства. И по сути, именно в этом персонаже актеру придется воплощать все те негативные черты, которыми народ наделял злых богачей. Потому-то показ этой роли и станет сопровождаться яркими пантомимическими сценками, отмеченными импровизационной смелостью, обретенной Куанышпаевым еще в те годы, когда он выступал на базарах, площадях и в аулах. Приведем в этой связи одну из таких сенок.

Широак ест плов. Он жадно хватает его руками, закрывая глаза от блаженства, даже слегка постанывая. Жир течет по пальцам богачей, и он облизывает их, вытирая после о живот. Что это, если не апофеоз обжорства? И следует сказать, сыгранный Куанышпаевым с буффонной смелостью и ярким комизмом, высмеивавшим низменную натуру ханского приспешника.

Не менее ярко сыграет Куанышпаев и шекспировского Баптисту из вечной комедии «Укрощение строптивой», поставленной на сцене Казахского театра драмы в 1943 году О. Пыжовой и Б. Бибиковым.

Лукавый, добродушный, веселый, юморной, не желавший тревожить себя никакими волнениями, но слабохарактерный и легкомысленный эгоист Баптиста в спектакле этом приобретал значение, заметно расширявшее рамки роли, посему и сыгранной Куанышпаевым со всем присущим ему талантом, демонстрировавшем, в том числе, склонность актера к изящному, грациозному сценическому рисунку. Заявление воинственного Петруччио, в роли которого блистал Ш. Айманов, о его намерении жениться на непокорной причуднице Катарине, сыгранной Х. Букеевой, Баптиста принимает с радостью и тревогой, слабо при сем пытаясь отговорить Петруччио, но быстро соглашаясь и начиная подготовку к битве. А уж готовясь к ней, он заботливо убирает все тяжелые предметы, воркующим голосом зовет дочь и отправляется за ней, прикрываясь медным тазом, как щитом. И увидев, что Катарина и Петруччио «поладили», старик широко, радостно улыбается, даже приплясывает, всё еще не веря своему счастью.

Органическое сочетание шекспировских комедийных красок с национальным юмором, наивной хитростью и ребяческим добродушием, присущим персонажам казахской драматургии и фольклора, в этом образе Куанышпаевым раскроются предельно выпукло, с особым артистизмом. Куанышпаев в роли Баптисты буквально светился детской чистотой, искренностью, жизнерадостностью, поражая всех своим обаянием.

Общей теме борьбы с пережитками прошлого и воспитанию советских граждан в духе коллективизма и сплоченности посвятит в начале 50-х годов свою пьесу «Цвети, степь!» (второй сценический вариант пьесы – «Одно дерево – не лес»)

А. Тажибаев. Однако не только о столкновении зазнавшегося председателя колхоза с коллективом будет идти в ней речь. Куда как более важным считало руководство Казахского театра драмы раскрыть в данном спектакле характеры людей, нашедших в себе силы начать борьбу с властным председателем Тельгарой, несмотря на связывавшие их родственные и дружеские отношения.

Светлым, поэтичным мироощущением был проникнут образ садовника Жана-са, брата Тельгары, которого и играл Куанышпаев. Мудрый, полный внутреннего достоинства старик воплощал лучшие черты характера своего народа: его трудолюбие, отзывчивость, горячее сочувствие молодежи. По существу, реалистическое мастерство ведущего казахского актера придало в общем-то эпизодической роли широту философского обобщения и подлинную народность.

Жанас в исполнении Куанышпаева внимательно, любовно присматривался к людям и глубоко страдал, когда в них обнаруживались черты, мешавшие общему делу. Несмотря на внешнюю сдержанность, он активно, с нескрываемой заинтересованностью реагировал на происходившие в колхозе события, и в этой кровной заинтересованности был секрет его душевной молодости. Потому-то справедливо и отмечали критики, что в этой работе с новой силой проявилась способность Куанышпаева говорить о важном скупой, лаконичной, но убедительной, выразительной, с присущим ему высочайшим мастерством, с годами только совершенствовавшимся и становившемся все более разносторонним и универсальным.

После выхода в свет романа «Абай» М. Ауэзова, удостоенного в 1948 году Сталинской премии первой степени, годом позже на сцене Казахского академического театра драмы состоится его инсценировка, которую осуществляют режиссеры казахского и русского театров Ш. Айманов и Я. Штейн. И в этом спектакле Куанышпаеву предстоит сыграть отца Абая – властного и жестокого феодала Кунанбая.

Внешне спокойного, но внутренне переполняемого злобой Кунанбая, совершившего немало беззаконий и откровенных преступлений, Куанышпаеву пришлось играть при полной самоотдаче, так как реалистично обнажить природу деспотизма, ненависти к людям, откровенной жестокости и самодурства было, естественно, непросто. Но обличительная миссия артистом в этом спектакле будет выполнена мастерски, как всегда талантливо, правдоподобно.

За высокое мастерство, проявленное при исполнении роли Кунанбая в спектакле «Абай», получившего признание зрителей и профессиональных критиков, Куанышпаев в 1952 году удостоится Сталинской премии третьей степени. Эта авторитетная по тем временам награда присоединится к ранее присвоенным ему в 1934 и 1936 годах званиям заслуженного и народного артиста Казахской ССР. А в 1959 году Калибеку Куанышпаеву присвоят высокое звание народного артиста СССР. Также Советское государство его дважды наградит орденом Ленина и орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Ведущий артист Казахского академического театра драмы, народный артист республики, в 1943 году ставший членом ВКП(б), Куанышпаев, тем не менее, старался жить полнокровной жизнью, не замыкаясь лишь на служении сцене и кино. Интересовала его и общественная деятельность. И следует признать, что в ее осуществлении он добьется больших успехов. Трижды, в 1946, 1950 и 1954 годах, трудящиеся Казахстана будут избирать Куанышпаева депутатом

Верховного Совета СССР, тем самым доверяя ему представлять их интересы в высшем законодательном органе огромной страны. Что он достойно двенадцать лет и делал, относясь к депутатским обязанностям ответственно, не позволяя себе оставлять без внимания ни одно из обращений, поступавших к нему от избирателей.

Калибеку Куанышпаеву было суждено прожить большую земную жизнь. Выдающуюся жизнь ему посчастливилось прожить и в искусстве. Его справедливо называли казахским Щепкиным, ведь в творчестве этого артиста действительно было много общего с великим русским актером. Исключительная народность, подлинные гуманистические устремления, реалистический стиль исполнения и, наконец, трепетное, по-настоящему благоговейное отношение к театру, помноженные на высокие этические принципы, – всё это сближало казахского советского актера, одного из зачинателей и корифеев казахского национального театра, с выдающимся русским актером-реалистом XIX столетия.

Удивительно и то, что народный артист, в высокой степени обладавший даром сценического перевоплощения, несмотря на четкую индивидуализацию воплощавшихся на сцене образов, никогда окончательно не растворялся в изображаемом им герое, оставаясь всё же самим собой, – яркой и неповторимой личностью, Калибеком Куанышпаевым.

Артист, начинавший свой путь на ярмарочных площадках, обладавший исключительно мягкой исполнительской манерой и избегавший малейшей нарочитости, он достойно служил театральному искусству, стараясь преподнести зрителям ощущение жизненной правды, которую, известное дело, можно исказить, приукрасить, замолчать, но никак не вытравить из человеческого сознания и всего естества. Правда была, есть, таковой и останется. Калибек Куанышпаев эту истину никогда не ставил под сомнение.

Пусть же продолжает жить добрая память об этом выдающемся сыне казахского народа, ведь в немалой степени благодаря ему национальный театр получил жизнь и динамичное развитие.

